

«В доме-убийце обнаружили еще два трупа».

Заголовок из газеты «Вестерн мейл»,
май 2016 года

С тех пор как ты уехал из города, здесь все изменилось — и не изменилось ничего. Только надпись снаружи потемнела от грязи, а внутри, распространяя тяжелый запах пропитанного гноем бинта и ореол воспаления, все разлагается и гниет.

Твой дом всегда представлялся мне затянувшейся раной, под поверхность которой незаметно развивается инфекция — скрытая, вероломная, губительная для окружающей ее здоровой плоти. А в центре нарыва — ты. Ты. Грязная игла и ржавый нож. Причина и следствие.

Ты знаешь, что однажды мне приснился страшный сон: я в этом доме — тогда его еще не называли домом-убийцей, — стою в холле, куда выходят двери комнат, но все они закрыты. Они всегда были закрыты. Прошлой ночью приснилось почти то же самое, только в конце холла — теперь он оказался намного длиннее — появилась новая дверь. В искаженной реальности прежних сновидений, когда за мной гнался дракон в мужском костюме, не было никакой надежды добраться до той двери и спастись. Но вчера приснилось, что от дракона я не бегу, потому что не сомневаюсь: я успею дойти до конца.

Но я не хочу. Той дальней двери быть не должно. Есть другая дверь. И она открыта.

ЧАСТЬ I

ДО

2016 ГОД. ЯНВАРЬ

ГЛАВА 1

САРА

— **С** годовщиной, дорогая!
Открываю глаза. Около кровати с подарочной коробкой в руках стоит Патрик. Он полностью одет. Смотрю на будильник. Боже, восемь часов. Завтрак детям, завтрак мужу. Надо было встать еще час назад.

— Сара, расслабься. — Патрик садится на кровать, убирает с моего лица волосы, наклоняется, целует в лоб и вручает подарок. — Джо с Миа уже в школе.

Сажусь, кутаюсь в одеяло.

Коробка аккуратно обернута блестящей бумагой, сгибы четкие, витая серебристая лента завязана замысловатым бантом.

— Сегодня же...

— ...не настоящая годовщина, — подхватывает Патрик, — но она еще важнее.

Он берет мою руку, приникает к ней губами, переворачивает, покрывает поцелуями ладонь, запястье. Вздрагиваю. По руке бегут мурашки. Он это видит и улыбается.

Мучительно шевелю мозгами — что за дата? — наконец понимаю и успокаиваюсь: день, когда мы познакомились, двадцать первое января.

Патрик вручает мне коробку.

— Открывай!

Пытаюсь развязать ленту — не выходит. Муж смеется, сам рвет бумагу и откидывает крышку.

Там компакт-диск. Морщу лоб, рассматриваю старый альбом группы «Вёрв»¹ и, увидев первый трек — «*Bittersweet Symphony*», — расплываюсь в улыбке.

— Помнишь? — спрашивает Патрик.

Конечно, я помню. Закрываю глаза и переносюсь на студенческую вечеринку, в темную прокуренную комнату. Мы, полупьяные подростки, передавая друг другу бутылки, валяемся на липком от дешевого пойла ковре. Вдруг звучит «Горько-сладкая симфония», и появляется этот человек — странный, в костюме из совсем другого мира. Он подходит и приглашает меня на танец. Там никто не танцевал, и в этом гама, среди подвыпивших тинейджеров, он закружил меня будто по настоящему бальному залу.

— Не потанцевать ли нам сегодня? Я залью дешевым ромом ковер, а ты сможешь смахнуть пыль со своих «Мартинсов», — говорит Патрик.

Он опять целует меня. Неторопливо. Чувствую пряный, пьянящий аромат его одеколона, вкус кофе на губах, жесткую колючую щеку. Я еще не совсем проснулась. Сколько же времени прошло? Не могу вспомнить, когда в последний раз мы предавались утренней любви — осторожной и беззвучной, чтобы не услышали дети. Притягиваю Патрика к себе, он отстраняется, и под одеяло проникает холод.

— Останься!

---

¹ «Вёрв» — популярная британская рок-группа Verve, существовала с 1990 по 2009 год. (Здесь и далее прим. перев.)

ЖЕНЩИНА ВО ТЬМЕ

— Мне пора на работу. Сегодня вечером мы где-нибудь поужинаем. Это будет особенный вечер — только ты и я.

Слушаю и снова вижу застегнутого на все пуговицы взрослого Патрика. Куда пропал тот, что, лежа на пропитанном бормотухой ковре, смеялся, пока я кружила по комнате? Но... все ведь осталось по-прежнему — та же Сара, тот же Патрик. Не изменились его улыбка, ласковый смех. Когда с меня сползает одеяло, ловлю тот же взгляд. Все по-старому, только с каждым днем более приглушенно и тускло.

— Останься! — шепчу и стягиваю с него пиджак.

* * *

Муж выходит из спальни. Опускаюсь на подушки и закрываю глаза. Могу еще поспать, урвать часок, но снизу, из холла, доносится голос Патрика. Встаю, снимаю с крючка на двери поношенный халат. Патрик терпеть его не может. Он купил мне новый — роскошный, толстый. Я его не надеваю. И не буду, потому что старый дала мне мама. Сто лет назад, когда я уходила из дома. С тех пор я ношу только этот халат и, пока совсем не порвется, другой носить не буду. Это почти все, что мне осталось на память о матери.

Патрик держит в руке письмо.

— Когда оно пришло?

Смотрю на конверт и заливаюсь краской. Надписанный от руки, адресованный Патрику — его принесли на днях. Я подняла письмо с коврика, но мужу не отдала, а сунула в ящик... Потому что почерк явно женский.

— Извини, — говорю, — по ошибке положила в ящик.

Я готова извиниться еще раз, спускаюсь по лестнице, однако вижу лицо мужа и осекаюсь. Это не злость, нет. Я умею определять, когда он злится. А что — понять не могу.

— Что случилось?

Он смотрит на меня глазами, полными отчаяния, кажется, вот-вот заплачет. На щеках Патрика горят красные пятна. Он переводит взгляд на конверт и прячет его в карман пальто.

— Ничего. Не важно.

Понимаю, что важно. Очень важно. Таким я мужа еще не видела. Страх, возбуждение, радость... что-то такое... Или видела? Да, было как-то раз. Один? По телу пробегает дрожь. Это важно. Очень важно.

* * *

Патрик уходит. Через полчаса получаю сообщение от Кэролайн, а еще через десять минут она — с двумя дымящимися стаканчиками — сама появляется на пороге.

— Доставка! Капучино!

— Похоже, тебя замучила бессонница, — приглаживая растрепанные волосы, говорю я и впускаю ее в дом.

Еще нет и половины девятого, а Кэролайн уже накрашена, причесана, волосы блестят. Кажется, что подруга давным-давно на ногах.

— Сара, сегодня прекрасный день. Холодный, но солнечный. — Идем на кухню. — Мы же собирались погулять, так что сейчас подкреплюсь сахарком с кофеинчиком — и вперед.

Хмурюсь и ставлю чашку на стол.

— Слушай, ты не обязана это делать.

— Что? Приносить тебе кофе?

— Все, что ты делаешь каждое утро. Изображаешь фальшивое веселье. Просто обхохочешься! Полгода назад ты не могла проснуться раньше двенадцати, а теперь устроили настоящую эстафету: только Патрик за порог — и ты тут как тут.

Улыбка сползает с лица Кэролайн.

— Ну да, правда. Раньше не надо было беспокоиться, когда ты оставалась дома одна.

— Тебе и сейчас нечего беспокоиться.

— Ты уверена?

Кэролайн подходит к буфету, достает из коробки печенье, протягивает мне. Отрицательно качаю головой, сажусь, делаю один глоток.

Нужно избавиться от этих стаканов до прихода Патрика: хоть они с Кэролайн и затеяли игру «как-дела-у-Сары», про кофе по утрам муж пока не знает.

Когда Кэролайн перебралась в дом неподалеку — он больше и удобнее, — она появилась у нас с бутылкой просекко и объявила:

— Сюрприз!

Патрик считал, что моя подруга поселилась за углом ему назло, я разубеждала его, но сама не сомневалась: Кэролайн, понимая, как он расстроится от ее соседства, получила от переезда дополнительное удовольствие. Она знает Патрика почти столько же, сколько я. Они не ладят между собой, хотя оба зациклены на одном: подбадривать меня, поднимать мне настроение, чтобы я опять не сорвалась. Так что, по идее, вполне могли бы стать лучшими друзьями.

— Пойдешь вечером к Хелен, в читательский клуб? — спрашивает Кэролайн.

— Не могу. Патрик ведет меня ужинать.

Она берет из коробки печенье и вскидывает брови.

— Что за повод?

Улыбаюсь.

— День нашего знакомства. Забавно, Патрик всегда говорит, что влюбился в меня с первого взгляда, так что это наша настоящая годовщина.

Кэролайн смеется и качает головой. А я не смеюсь. Патрик спросил: «Ты помнишь?», и от его вопроса по телу поползли мурашки. То же самое случилось и в тот первый вечер, когда мы танцевали. Порой я забываю, какими были мы в юности, Патрик прав, когда пользуется случаем напомнить о тех днях.

— Это Джо?

Кэролайн подходит к небольшому рисунку в рамке. Я не успела повесить его на стену и пристроила пока на рабочем столе. Джо в свои семнадцать намного талантливее, чем была в его годы я. Несколькими уверенными штрихами — тонкими прямыми или мягко изогнутыми — он так точно изобразил Миа! Чтобы увидеть ее лицо на бумаге, нужно отойти подальше и посмотреть под углом. Похоже, Джо сделал это нарочно. Ох уж эта постоянная игра в прятки! Ему стоило бы нарисовать автопортрет.

— Забавно. — Акриловый ноготь подруги стучит по стеклу. — И как это из Джо получился художник?

— Почему забавно?

— Ты знаешь, о чем я. — Она бросает на меня выразительный взгляд.

Подхожу к портрету дочери, провожу пальцем по контуру лица.

— ДНК тут ни при чем. Вот Миа — моя родная дочь, однако трудно найти двух более непохожих людей.

— Значит, воспитание против наследственности?

Джо сам взял кисточку. Я никогда не вкладывала ее сыну в руку, но всегда поддерживала и развивала его талант. Для этого совсем не обязательно рожать человека.

Захожу сбоку, и кажется, будто Миа на бумаге тоже поворачивается. Интересно, как бы Джо нарисовал меня?

— Почему ты ему не рассказала? — спрашивает Кэролайн и, помолчав с минуту, добавляет: — Ну, об усыновлении.

Екает сердце. Как всегда, оглядываюсь, проверяю, нет ли поблизости Джо, не услышал ли он случайно запретное слово.

— Пока не время. Джо слишком ранимый. Так считает Патрик, и он прав. После аварии... Джо еще не пришел в себя.

— Но...

— Что «но»?

— Не будет ли хуже, когда он сам обо всем узнает? Вы и так слишком долго тянете.

Опять притрагиваюсь к наброску. Джо всегда был моим. Миа тоже, но мы с Джо... То, о чем говорит Кэролайн, не дает мне спать по ночам.

— Они как-то смотрели документальный фильм про усыновление, Патрик пытался завести об этом речь, но Джо... Он так ужасно отреагировал, что Патрик не стал продолжать.

— Могу попросить Шона, пусть выяснит, есть ли в документах фамилия родной матери.

От знакомого беспокойства в голосе подруги у меня тоже возникает комок в горле, и я судорожно сглатываю, чтобы от него избавиться. Ее муж — социальный работник, и Кэролайн постоянно советует, как лучше рассказать обо всем сыну, а я отнекиваюсь.

— Не знаю...

— Иногда мне кажется, что больше всех сопротивляешься ты. — Она улыбается. — Боишься потерять своего мальчика?

— Не обижайся. Пока мы не пришли к окончательному решению, мне эти сведения ни к чему.

— Он еще наблюдается у врача?

— Нет.

Патрик прекратил лечение. По его словам, пустая трата времени.

— А как они между собой? Лучше?

— Не сказала бы. Особенно после того, как Джо разбил машину.

Кэролайн опять рассматривает картинку.

— Он очень способный.

— Хочет поступить в художественный колледж.

— А Патрик знает?

— Пока нет.

— Только предупреди меня заранее, когда будете обсуждать этот вопрос. Не дай бог здесь оказаться!

* * *

Как обычно, мы идем в парк. Пальто наглухо застегнуты, темные очки защищают глаза от зимнего солнца. Парк наводнили мамы с колясками, бледные от вынужденного затворничества во время нескольких дождливых недель, и хозяева, выгуливающие собак.

Когда останавливаемся у озера, я вдруг выдаю:

— Патрик получил письмо.

Белые облачка пара от нашего дыхания смешиваются, я потуже затягиваю шарф. Сама не понимаю, как у меня вырвалось. Просто все не могу забыть то выражение на лице Патрика.

— И что? — спрашивает Кэролайн.

— Он испугался. Не знаю, что там было. Он вдруг так переменялся в лице... Не могу объяснить, но это было ужасно.

— Испугался?

Кэролайн хмурит брови. Понимаю, что мы думаем об одном и том же: Патрика напугать непросто. Вот тревога только нарастает.

— Ты знаешь, что там? — откидываясь на спинку скамейки, спрашивает подруга.

— Нет. Конверт надписан вручную, вот и все, что я видела. — Поднимаю глаза на Кэролайн. — Вдруг он заболел или получил неприятное известие?

— Письмо от женщины?

— Я просто дура. Оно пришло несколько дней назад, и я его спрятала. Сама не знаю почему. У меня и в мыслях не было, что Патрик обманывает.

— Действительно?

— Перестань! Я беспокоюсь совсем из-за другого.

Знаю, Патрик не смог бы меня обмануть.

Кэролайн смотрит на меня долгим взглядом, и в ее зеркальных очках я вижу свое бледное встревоженное лицо.

— Уверена, — произносит она, — там нет ничего ужасного. И все-таки, может, тебе прочесть это письмо? Честное слово, хуже не будет.

* * *

С работы Патрик вернулся не в духе. Дети, узнав, что родители вечером уходят, почуяли свободу и разбежались. Я переоделась. Патрику нравится, когда я ношу юбки, поэтому надела черную — его подарок на мой день рождения. Дом наполнился запахом цветов, которые он принес.

Патрик молча снимает пиджак, идет в гостиную, откидывает штору и выглядывает на улицу. Еще не поздно.